

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

(К вопросу о сущности образа И.П. Белкина)

Каждое поколение пушкинистов создавало свою концепцию "Повестей Белкина". И, к сожалению, при этом усилия большинства из них были направлены на полемику с предшествующими теориями. Только немногие обращались непосредственно к Пушкину. Но так или иначе исследователи снова ввязывались в схватку с существующими концепциями, и правильное объяснение фактов тонULO в море опровержения инакомыслящих.

Крупнейший современный исследователь творчества Пушкина Б.С. Мейлах пишет: "Пора, однако, поставить вопрос: действительно ли роль Пушкина как создателя, основоположника новой художественной системы, открывшей пути для развития всей последующей литературы, не была понята в последний самый яркий период его творческого пути?"¹⁾ Но, сформулировав проблему восприятия современниками Пушкина его творческой системы, Б.С. Мейлах решает ее только в апологетическом плане.²⁾ Дело не только в том, что Веневитинов, И. Киреевский, наконец, Тоголь поняли и п р и н я л и художественную систему Пушкина. Суть проблемы и в том, что литературные недруги Пушкина также п о н я л и художественную позицию великого поэта, но н е п р и н я л и её, выступили против, защищая традиции романтической и нравственно-сатирической прозы в русской литературе. Вот почему отрицательные оценки поисков Пушкина в 30-х годах помогают нам понять отношение современников к творчеству великого поэта.

"Повести Белкина" были встречены без особого энтузиазма. Казалось, они не стали литературным явлением широкого масштаба. Отношение самого Пушкина к ним оставалось серьезным.

5 сентября 1831 года Н.А. Плетнев сообщил Пушкину о получении из цензуры "Повестей": "Ни перемен, ни откидок не последовало..."³⁾ И уже 22 октября Пушкин писал П.В. Нащокину: "Повести мои напечатаны; на днях получишь". (XIV, 257).

Первая рецензия появилась 10 ноября в "Северной пчеле". Как известно, в марте 1830 года Булгарин выступил со статьей о III главе "Евгения Онегина". Бездоказательная и клеветническая статья вызвала неудовольствие даже Николая I. Он послал записку шефу жандармов А.Х. Бекендорфу: "Я забил вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверно будет продолжение; поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения."⁴⁾ Реакция самого Пушкина также была воинственной: "Булгарин изжил меня своею выходкой, сердиться нельзя, но побить можно и думаю должно". (XIV, 74). Вот почему редактор "Северной пчелы" памятуя приказ императора, в сложившейся ситуации занял компромиссную позицию, и статья о "Повестях Белкина" носила пробный и примирительный характер. Отзыв "Северной пчелы" широко известен. Но вчитаемся еще раз в него. "Как приятно, в тесном дружеском кругу, пред камином, слушать рассказы умного, образованного человека — рассказы о чем бы то ни было: о необыкновенном происшествии, о забавной встрече, о странном свидании. Рассказчик не утомляет вас подробностями, которые были бы уместны только в н а с т о я щ е й повести, легко очеркивает свои изображения, но бросает черты свои не без разбору: каждая из них необходима для составления целого; иногда забывает он роль рассказчика, и на несколько минут сам становится действующим лицом, заменяя свои картины повествовательные сценою драматическою, причем и выражение лица, и голос, и слог речей его изменяются".⁵⁾ С первой строки рецензии "Северная пчела" дает характеристику и рассказчику, и трем повестям, и манере повествования. Знаменательно, что рецензент отметил ц е л ь н о с т ь повестей. Более того, воссоздав образ рассказчика, "Северная пчела" отмечает, что именно он (этот образ) и о б ъ е д и н я е т цикл в одно неразрывное целое. Другими

словами, по мнению рецензента, образ рассказчика дан не только в предисловии, но он является и д е й с т в у ю щ и м л и ц о м, пускай только одной повести. Тон рецензии как будто доброжелательный. Но фраза: "подробности, уместные только в н а с т о я щ е й п о в е с т и", - придает рецензии по существу отрицательный характер, ибо "Повести Гелкина" - не настоящие! Таков общий вывод.

"Вы имеете ныне случаи пользоваться предестями такого рассказа, не трудясь искать рассказчика: возьмите повести Белкина. В сей книжке помещены ш е с т ь а н е к д о т о в, приключения, странных случаев - как вам угодно назвать их, рассказанных мастерски: быстро, живо, пламенно, пленительно. - Жалуются, что содержание сих повестей слишком просто, что, прочитав некоторые из них, спрашиваешь: только-то? - Да, только, а если этого недостаточно, возьмите другую книжку, потолще - она будет и подешевле..."⁶⁾ Как правильно отметила А.Г. Гукасова, "Северная пчела", не признав повести настоящими, давала читателю и адрес н а с т о я щ и х книжек, которые потолще и подешевле, имея в виду, очевидно, творения самого Булгарина.⁷⁾ Знаменателен тот факт, что "Северная пчела" отметила ш е с т ь анекдотов. Под шестым анекдотом она, конечно, подразумевала предисловие "От издателя", в котором рассказывалось о мелкопоместном дворянине, пожелавшем стать писателем! Биография Белкина, данная в письме ненарадовского помещика, по мнению рецензента, и была ни чем иным, как анекдотом.

Л. Гроссман, совершая экскурс в историю этого жанра, писал: "Под названием анекдотов, определяет хорошо знакомый Пушкину Голиков, разумеются такие повествования, которые немногим только известны". Но вскоре к этому классическому определению присоединилось у нас требование живописного, острого и характерного штриха. Лицейский профессор Кошанский в своей р и т о р и к е определял анекдот как что-то неизданное, оставленное историей, забытое в жизнеописаниях, неизвестное в народе, но показывающее редкую черту характера, ума или сердца знаменитого человека. "Достоинство анекдота" в новости, в редкости, в важности. "Цель его объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие,

новость".⁸⁾ Пушкин не мог не знать определение анекдота по Кашанскому. Более того, в "Истории села Горюхина" сам Белкин определяет свои повести, за писание коих он принялся, "замечательными анекдотами". Мы уже знаем, что по Кашанскому, анекдот — уже сам по себе замечательный случай рассказ. Тавтологически усиливая суть анекдотов, слышанных от разных особ, Белкин от своего имени (а Пушкин от своего) акцентировал внимание читателей на, и с к л ю ч и т е л ь н о с т и повестей.

Оценивая предисловие "От издателя" как шестой анекдот, "Северная пчела" намекала на и с к л ю ч и т е л ь н о с т ь истории и самого Белкина, мелкопоместного дворянина, который занялся сочинительством.

Отзыв "Северной пчелы" был не единственным. К сожалению, исследователи оставили без внимания косвенные отклики на появление "Повестей Белкина". Так, например, "Московский телеграф", еще не помещая собственной рецензии, но солидаризируясь с мнением "Северной пчелы", в рецензии на "Были" А. Атрешкова писал: "... если Г-н Атрешков чувствует в себе призвание к избранному им роду сочинений, то мы готовы просить его развернуть свои силы и дарования; но если первый опыт его есть только попытка, то советуем ему не вдруг предаваться этому роду сочинений. Пусть вспомнит он об участии Белкина. Разумеется, что и Белкин, и Г-н Атрешков, как люди с умом, с образованным вкусом, не могли написать совершенного вздора. Но разве один путь на поприще умственной деятельности?..."⁹⁾

В этом же ноябрьском номере "Московского телеграфа" в отделе "Новый живописец" приведен интереснейший диалог.

Вот отрывок из него:

"Сплетник (скоро): Булгарин возвратился в Петербург и пишет еще роман; в Москве будут издавать альманахи.

Филофей: Кто у вас там?

Сплетник (скоро): Северная Брусника, Падучая звезда, Белена, Литературный колодезь. Знаете ли кто Косичкин, кто издал Повести Белкина, кто написал Вечера на хуторе, кто издал..."¹⁰⁾

А в следующем номере "Московский телеграф" выступил со своей рецензией на "Повести Белкина". Как и в рецензии на "Были" П. Ат-решкова, так и в этой, "Московский телеграф" сопоставляет повести с произведениями В. Ирвинга, отдавая предпочтение последнему. Рассказав сюжет двух новелл Ирвинга, "Московский телеграф" резюмирует: "В рассказе той и другой повести (речь идет о повестях Ирвинга - С.Ш.) нет ни риторических фигур, ни нечаянностей, ни блесков. Но в этом—отсутствии шумихи содержания и слога заключается высокое искусство... И.П. Белкину явно хотелось попасть в колею В. Ирвинга. Но как Е в г е н и й О н е г и н далек от Д о н Ж у а н а, так П о в е с т и Б е л к и н а далеки от созданий В. Ирвинга".¹¹⁾ Но перед этим рецензент заметил: "Кажется, сочинителю хотелось испытать: можно ли увлечь внимание читателя рассказами, в которых не было бы никаких фигурных украшений ни в подробностях рассказа, ни в слоге, и никакого романизма в содержании (принимаем здесь слово р о м а н и з м как умоизвятие, в чем, по заключению наших риториков, заключается сущность романа)".¹²⁾

Следует отметить, что как и сам Пушкин, не имевший желания сохранять свое инкогнито, так и его рецензенты сразу же разгадали "тайну" инициалов издателя "А.П." Намек "Северной пчелы" на "умного, образованного человека" и упоминание Феофилакта Косичкина перед Белкиным в диалоге "Нового живописца" свидетельствуют о том, что критике было известно, кто подписался буквами А.П. Характерно, что в № 22 "Московского телеграфа" появляется прямая ссылка на Пушкина как на издателя, о котором "в объявлении книгопродавцев говорят, как о с л а в н о м н а ш е м п о э т е ..."¹³⁾ Следует заметить, что "Московский телеграф" не случайно ставит имя Косичкина рядом с именем Белкина. Еще в сентябре 1831 года журнал отмечал, что "у нас нет Критики... Сам Пушкин - с его умом, его высокою образованностью и силою поэтического взгляда - мог бы сделаться критиком Европейским, ... но мы знаем как и я к р и т и к и пишет он ныне".¹⁴⁾ Журнал, конечно, имеет ввиду статьи, подписанные именем Ф. Косичкина. Поскольку авторство-издательство было установлено сразу же по опубликовании "Повестей Белкина", постольку критика сочинителя И.П. Белкина становилась критикой самого Пушкина.

° Единство мнений "Северной пчелы" и "Московского телеграфа" прежде всего сказалось в том, что ни газета, ни журнал не нашли в "Повестях" какого бы то ни было содержания.* Бес-содержательны - таков их приговор. Но если "Северная пчела" отмечает слог повестей, понимая, что "каждая из них нужна для составления целого, то "Московский телеграф" избирает одну - лучшую, по его мнению, - повесть "Станционный смотритель", заявив, что в ней есть "несколько мест, показывающих знание человеческого сердца", да еще упоминает о "Гробовщике" как о з а б а в - н о й ш у т к е. Знаменательно, что на первую критику "Повестей Белкина" Пушкин н и к а к не отозвался.

Спустя два года, находясь в Болдине, Пушкин получил письмо от В.Ф. Одоевского с предложением сотрудничества. Предполагалось нечто вроде литературного альманаха с участием трех авторов: Панька, Гомозейки и Белкина. Притом, Паньку отдавался "чердак", Гомозейке - "гостиная", а Белкину - "подвал". Очевидно, "подвальная хроника" была предложена Белкину из-за двух повестей: "Гробовщик" и "Станционный смотритель". На это предложение Пушкин 30 октября отвечал: "Виноват, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было... Не дожидаетесь Белкина; не на шутку видно он покойник; не бывать ему на новосельи ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панька. Не достоин он видно быть в их компании..." (XV, 90). Как следует из этого письма, Пушкин, если и не написал новых повестей от лица Белкина, то с о б р а л с я это сделать ("думал распишусь").** Ничего не получилось. Белкин п и с а т ь больше не мог, Те повести, которые вышли за его подписью, были переведены в со-

* "Читали ли вы Повести Белкина?... Прочел в один вечер и не нашел ни чуда, ни совершенства... но несколько анекдотов, рассказанных весьма приятно..." "Северная пчела", 1831, № 288.

** В Болдине Пушкин все-таки написал новую повесть - "Пиковую Даму". Можно предположить, что стимулом для написания ее и послужило предложение В.Ф. Одоевского. Вероятно, издание "Пиковой Дамы" вместе с "Повестями Белкина" было не случайно. Да и критики высказывались о ней в к у п е с белкинскими повестями. Сближению "Пиковой Дамы" с "Повестями Белкина" в генезисе не противоречит и повествовательная, и композиционная, и стилистическая организации этой повести

ответствии с его образом. Все, что он еще мог бы написать, нарушало бы художественную меру, дробило бы цельность созданного образа сочинителя. Поэтому Пушкин и признавался: не на шутку покойник.

В 1834 году выходит второе издание "Повестей Белкина". Переиздание вызвало новые нападки критики. На этот раз "Северная пчела" высказывалась более определенно. "Прежде всего о предисловии. С некоторого времени, во Франции, вошло в моду издавать сочинения покойников. Раскрываете собрание повестей — и вот перед вашими глазами длинное от издателя, в котором рассказано о жизни и трагической смерти настоящего (будто бы!) автора. Этим литературным маневром думают возбудить участие и внимание читателя, но едва ли достигают своей цели. Настоящий автор всегда почти бывает известен: французы такие болтуны! К чему же мистификация, тайна, предисловие! А.С. Пушкин издал чужие повести, повести покойного Белкина. Был ли на свете Белкин, нет ли, нам все равно; а важны для нас его повести, к которым А.С. Пушкин руку приложил".¹⁵⁾ Кроме подобного предуведомления, в рецензии был дан краткий анализ каждой повести. Потом следовало убийственное резюме: "Ни в одной из Повестей Белкина — нет идеи, читаешь — мило, гладко, плавно; прочтешь, — все забыто, в памяти нет ничего, кроме приключений. Повести Белкина читаются легко, ибо они не заставляют думать. В них нельзя не заметить слова Я, которое повторяется беспрестанно, почти на каждой странице. Везде Белкин да Белкин, к чему это? Читатель хочет повестей, а не Белкина".¹⁶⁾ Рецензия парадоксальна. Высмеивая литературный прием предисловия, в котором произведения приписываются покойному автору, "Северная пчела" в то же время отмечает присутствие этого покойника на каждой странице. Но если вспомнить первую рецензию "Северной пчелы", то парадокс довольно просто разрешается. Во-первых, повести — не настоящие, в ненастоящих повестях и присутствует везде автор. Вместо повести — автор. Но и сам автор — подделка, притом модная. А мистификация, тайна, предисловие как раз и необходимы, чтобы скрыть то, что повести не настоящие. Но "Северная пчела" метила глубже. То, что повести не настоящие, еще не все. Главное, что в них нет идеи. Лишены смысла! Впоследствии, касаясь

"Пиковой Дамы", рецензент скажет ещё раз: "Но в целом — важный недостаток, общий всем Повестям Белкина, — недостаток идеи. Впрочем строгое суждение об этих Повестях невозможно: они прикрыты эгидой имени Пушкина"¹⁷⁾ Подобное прочтение "Повестей" было обусловлено не только враждебным отношением к самому Пушкину, но и эстетической позицией булгаринской критики. Для "Северной пчелы" (как ранее для "Московского телеграфа") оказывался неприемлем сам метод художественного и з о б р а ж е н и я. Отсутствие р о м а н т и ч е с к о й идеи объявлялось б е з н д е й н о с т ь ю вообще.

Мы не будем касаться здесь отзыва В.Г. Белинского, который появился в "Молве". Скажем только, что несправедливое отношение его к "Повестям Белкина" было обусловлено как молодостью критика, так и нереалистичностью его позиции в 1834 году. Впрочем, как известно, отношение В.Г. Белинского к "Повестям" не изменилось и впоследствии.

На критику 1834 года Пушкин тоже никак не откликнулся. Молчание его красноречиво. Зато Пушкин ограждал своего Белкина от посягательств собратьев по перу. Интересны два письма Пушкина: одно — М. Погодину в начале мая 1835 года, другое — П. Плетневу от II октября того же года. Погодину Пушкин писал: "Сейчас получил я последнюю книжку Библиотеки для Чтения и увидел там какую-то повесть с подписью Б е л к и н — и встретил Ваше имя. Как я читать её не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепости я не отвечаю". (XVI, 24). В письме к Плетневу Пушкин даёт ещё раз решительный отпор всяким посягательствам: "Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль... объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима. Это бы, право, было бы не худо". (XVI, 56). Защита Белкина была обусловлена тем, что Белкин был з а в е р ш е н н ы м художественным образом. И всякое изделие, подписанное его именем, нарушало бы органичность образа в восприятии русского читателя. "Нелепости" и "огрехи" — так квалифицирует Пушкин то, что подписано и ещё может быть подписано именем е г о с о ч и н и т е л я.

История написания "Повестей Белкина" доказывает, что Белкин не был литературной д и к ц и е й. Он явился не для того, чтобы скрыть от читателя имя настоящего автора, не для того, чтобы ослабить удары литературных недругов Пушкина. Образ Белкина создается вместе с осмыслением художественного материала и, в конечном счете, **вбирает** в себя разрешение той художественной задачи, которая стояла перед Пушкиным в начале 30-х годов.

Равнодушие к "Повестям", наметившееся по их выходе из печати, было взорвано в последующую эпоху. В 50-60-х годах XIX века творчество Пушкина становится полем литературной борьбы. Сторонники "чистого искусства" объявили Пушкина "величайшим художником", но не мыслителем. На первый план выдвигалась ими "артистичность" Пушкина, пещца, дескать, "сладких звуков и молитв". Лагерь демократов, борозшийся за классовую и социальную направленность искусства, пытался сбросить т а к о г о Пушкина с "корабля современности". Поэтому нет ничего удивительного в том, что пересматривалось все творчество Пушкина. Пересматривались и "Повести Белкина".

Первым выступил Дружинин*. Затем А. Григорьев, талантливый поэт и темпераментный критик, утвердил новое прочтение "Повестей Белкина". В своей статье "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина" (статья первая) А. Григорьев исходил из ложного противопоставления двух "противоборствующих" начал в творчестве Пушкина. Алеко, как тип, был противопоставлен Белкину, "агрессивное" начало - "смирненному". Пушкин способен был вместить в себя мятежную романтическую натуру Алеко и здравый смысл кротости и смиренности Ивана Петровича Белкина. Пушкинский сочини-

---

* Интересен отзыв И.С. Тургенева на статью А. Дружинина. "Статья о Пушкине я прочел с великим наслаждением. Благородно, тепло, дельно и верно. Это лучшая вещь написанная Дружининым. Но опять-таки в отношении к Гоголю он не прав... То есть - в том, что он говорит, он совершенно прав - но так как он в с е г о сказать не может - то и правда выходит кривдой. - Бывают эпохи, где литература не может быть только художеством - а есть интересы высшие поэтических интересов... О Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю отдает только справедливость..." И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. Письма. Изд. АН С.СР, М.-Л., 1961, т. 2, стр. 281-282.

тель объявлялся "первым выражением критической стороны нашей души, очнувшейся ото сна, в которой грезились ей различные миры".¹⁸⁾ Устав от борьбы, пушкинский гений, якобы, находит свое отдохновение в образе смиренного Белкина. Ни одно из положений А. Григорьева не было обосновано анализом художественного материала. Пушкин становился средством для высказывания собственных взглядов критика, а не объектом исследования. Выступив против "байронических типов", критик сам оказывался на позициях литературоведческого романтизма.

Точка зрения Григорьева получила особую поддержку среди славянофилов. Её в той или иной степени разделяли и Достоевский, и историк Ключевский, и профессор Овсяннико-Куликовский.

Позднейшие исследователи обратили внимание на предисловие "От издателя", ища в нем объяснений пушкинской позиции. В предисловии было сказано: "Они (повести С.Ш.), как сказывал Иван Петрович, большею частью справедливы и слышаны им от разных особ". (УШ/І, 6І). Следовала сноска, сделанная издателем А.П.: "В самом деле, в рукописи г. Бслкина над каждой повестью рукой автора написано: слышано мною от т а к о й - т о особы (чин и звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: С м о т р и т е л ь рассказан был ему титулярным советником А.Г.Н., В ы с т р е л подполковником И.Л.П., Г р о - б о в щ и к прикащиком Б.В., М е т е л ь и Б а р ы ш н я девицею К.И.Т." (УШ/І, 6І). Противоядие против концепции Григорьева было найдено. О каком Белкине может идти речь, если ... он не является а в т о р о м повестей? В чем же содержится "белкинское начало", если ... сам Белкин - литературная фикция? "Любопытные изыскатели" торжествовали. Раз повести были слышаны от разных особ, то заслуга Белкина в том, что он записал услышанные рассказы. "Слышаны" отождествили с "записаны". Мог это сделать Белкин, мог и кто-нибудь другой. Белкин - фикция, фигура не художественная, а поздняя надстройка, необходимая, чтобы Булгарин "не заругал". "Повести Белкина" предстали в новом освещении. Григорьевское "отдохновение" перенесли из его послышки о противоборстве двух типов образов на творчество Пушкина. Ряд ис-

следователей прямо так и высказывался, что "Повести Белкина" явились "отдохновением" поэта в напряженный период Болдинской осени.* Пушкина спасало только то, что "Гробовщик" и "Станционный смотритель" содержали значительный социальный заряд, а "Выстрел" хвалил сам Белинский. Да к тому же и слог был "прелестным". Пушкин гениальным чутьем угадывал пути развития русской литературы. Пробы его пера иному писателю принесли бы литературную славу. Но сам Пушкин, конечно, же, только еще искал новые формы и новые темы.

Написанные самостоятельно, вне всякой связи друг с другом, первые повести потребовали определенного авторского представления. Пушкин ищет возможность отдать их публике, не вызывая со стороны своих зоилов яростных нападков. Постепенно созревает замысел представить повести как творчество неизвестного и умершего писателя. Моделирование образа сочинителя приводит к написанию еще двух повестей, одна из них становится "автобиографической". Происходит качественный скачок. Образ сочинителя, созданный для выполнения определенных формальных функций, пропитывается содержанием повестей, наполняется мировоззренческим смыслом. Взаимонаполняемость "автора" и написанных им "замечательных анекдотов" приводит к художественной "стыковке" повестей в единый художественный замкнутый цикл, который и организуется образом сочинителя.

К 1830 году Пушкин переходит полностью на реалистические позиции. Но на них Пушкин оставался в одиночестве. Время требовало прозы. Об этом еще в 1825 году писал Бестужев-Марлинский. Поэт-реалист оставался верен своей позиции и в прозе. Эту позицию требовалось не только защищать, но прежде всего сделать общепонятной и общедоступной. В письме ненарадовского помещика появляется сообщение о том, что повести "справедливы и слышаны от разных особ". Смысл слова "справедливы" достаточно ясно гово-

---

* Еще П.В. Анненков в "Материалах для биографии" писал: "Драмы были настоящим, высоким трудом этой осени; а отдохновением поэта можно считать "Повести Белкина"... Повести Белкина должно разбирать теперь только со стороны слога и изложения, а не содержания..." Сочинения Пушкина. Издание П.В. Анненкова. СПб., 1855, т. I, стр. 292.

рит о сущности повестей, как о произведениях п р а в д и в ы х Готовя повести к печати, Пушкин решает усилить этот момент о б ъ е к т и в н о с т и и вставляет известную сноску, которой нет ни в одном из автографов. Таким образом, Пушкин не только указывал на зависимость повестей от реальных событий, но и давал читателю непосредственных корреспондентов "замечательных анекдотов". Внутреннее содержание повестей обусловило социальное положение источников.* Тем самым они втягивались в художественную структуру повестей.

Политическая сущность "Повестей Белкина" проявилась в исторической обусловленности образа горьхинского сочинителя определенными тенденциями развития русского общества. Рассматривая художественное время в повестях, мы обнаруживаем удивительную согласованность: ни одна повесть по времени действия не выходит за границы 1812-1825 годов. В это же время происходит созревание самого Белкина. Да и деятельность мелкопоместного дворянина выступает как следствие определенных событий. У нас нет намерения представить Белкина политическим деятелем какого-либо общественного крыла, тем более узреть в нем декабриста или радищевца.** Белкин далек от какой бы то ни было политической борьбы. Еще А.В. Луначарский отмечал, что двигателем декабрьского восстания было мелкое и среднее дворянство.¹⁹⁾ "Северная пчела", которая посчитала предисловие "От издателя" за шестой анекдот "Повестей Белкина", не совсем ошиблась. Дело в том, что и с к л ю ч и т е л ь н о с т ь "биографии" Белкина вполне очевидна. Его равнодушие к ведению хозяйства, желание самому что-то д е л а т ь /в данном случае - сочинительство/ и выступают как и с к л ю ч и т е л ь н ы е черты его характера. Иван Петрович

---

* Пушкин придумал "титулярного советника", "подполковника", "прикащика", "девицу", исходя из содержания уже написанных им повестей.

** В этой связи следует отметить, что точка зрения М.И. Мальцева абсурдна и бездоказательна. Попытка превратить Белкина в политического деятеля (радищевца или декабриста) вульгарна и находится за пределами исследуемого материала. См. его работу "Проблема социально-политических воззрений Пушкина". Чебоксары, 1960.

Белкин дан как нарушитель общественных устоев. Эпоха 1812-1825 годов выдвигает различные формы и различных представителей подобных нарушений.

Историк русской критики Ив. Иванов в конце XIX века заметил очень верно: "Пренебречь мундиром значило бросить в лицо современному "свету" жестокий вызов и собрать над своей головой бурю насмешек, презрения и даже ненависти. Могло быть и хуже. Дворянин... становится неблагонадежным, раз он пренебрегает скалозубовской философией... И такие смельчаки явились. Один поступает на службу в уголовную палату, другой - в надворный суд, третий уезжает в деревню, читает книги..."²⁰⁾ И хотя мы знаем, что Белкин ушел со службы по "семейным обстоятельствам", но его поместная деятельность, а больше всего т я г а к сочинительству действительно придают ему черты нарушителя традиций.

Академик М. Нечкина в монументальном исследовании "Движение декабристов" писала: "... против лагеря Аракчеевых, Фамусовых, архимандритов Фотиев, Скалозубов... стояли не только декабристы, а гораздо более многочисленная молодая Россия... Эта сочувственная среда была общественной атмосферой формирования и движения декабристов"²¹⁾ Вот к этой сочувственной среде мы и относим Белкина.

"Белкинское начало", которое ввел в обиход А. Григорьев, было не столь "смирным" и "добропорядочным", как предполагал критик. Да и само "белкинское начало" предстает перед нами началом качественного скачка художественного развития Пушкина.

Примечания

1. М е и л а х Б.С. Реалистическая система Пушкина в восприятии его современников. Пушкин, Исследования и материалы. Л., "Наука", 1969, т. IV, стр. 6.
2. М е и л а х Б.С. Талант писателя и творческий процесс. Л., "Сов. писатель", 1969, стр. 169-185.
3. П у ш к и н А.С. Полное собрание сочинений в 17 томах. Изд. АН СССР, 1937-1949, т. XIV, стр. 221. В дальнейшем цитируем Пушкина по этому изданию. Том и страница указываются непосредственно в тексте статьи.

4. Выписки из писем графа А.Х. Бенкендорфа к императору Николаю о Пушкине. Спб., 1903, стр. 6-7. Пер. с французск.
5. "Северная пчела", 1831, № 255, отдел "Новые книги". Рецензия без подписи.
6. "Северная пчела", 1831, № 255, отдел "Новые книги".
7. Г у н е с о в а А.Г. "Повести Белкина" А.С. Пушкина. М., Изд. АПН. РСФСР, 1949, стр. 8.
8. Г р о с с м а н Л. Этюды о Пушкине. М.-П., 1923, стр. 42.
9. "Московский телеграф", ч. 42, 1831, № 21, стр. III-II2.
10. Там же, отдел "Новый живописец", стр. 349.
11. "Московский телеграф", ч. 2, 1831, № 22, стр. 255-256.
12. Там же, стр. 255.
13. "Московский телеграф", ч. 42, 1831, № 22, стр. 254.
14. "Московский телеграф", ч. 42, 1831, № 18, стр. 218.
15. "Северная пчела", 1834, № 192, отдел "Новые книги". Статья Р.М., стр. 765-766.
16. Там же, стр. 766.
17. "Северная пчела", 1834, № 192, стр. 767.
18. Г р и г о р ь е в А. Литературная критика. М., "Луд. лит.", 1967, стр. 184.
19. Л у н а ч а р с к и й А.В. Собр. соч. в 8 т. Изд. "Луд. лит.", М., 1963, т. I, стр. 53.
20. И в а н о в И. История русской критики. Спб., 1898, стр. 84.
21. Н е ч к и н а М.В. Движение декабристов. АН СССР. М., 1955 т. I, стр. 139.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Научные труды
Выпуск 65

**Вопросы русской, советской
и зарубежной литературы**

Новосибирск
1971